

Ardabayev Saken

Однажды в египте

18+

Ardabayev Saken

Однажды в египте

«Автор»

2026

Saken A.

Однажды в египте / A. Saken — «Автор», 2026

<p>На фоне роскошного отдыха в Красном море разворачивается история о доверии, семейных ролях и личной гармонии. Герои семья, объединённая мужем-олигархом, его женой и детьми, а также гувернанткой Анной переживают яркие и эмоциональные моменты на яхте и уединённом острове. Вечером они становятся свидетелями шоу фокусника, певца и танцовщицы, но именно Анна уверенно проявляет себя, защищая детей и показывая внутреннюю силу.</p>

© Saken A., 2026

© Автор, 2026

Ardabayev Saken

Однажды в египте

Глава 1

Зима наскучила уже с первого месяца. Слякоть, дожди – всё какое-то непредсказуемое. Говорят, глобальное потепление... да бог с ним. Я скачал приложение Apex Tour и стал выбирать, куда бы улететь из промозглой Москвы. Практически везде я уже бывал и вполне реально представлял, что меня ждёт в том или ином месте. Опираясь на прошлый опыт, в супер «пятёрки» ехать не хотелось: там всегда находились знакомые – липнут, не дают спокойно отдохнуть. Да и женщины там беспонтовые и опасные – руку отгрызут, а потом ещё и перед женой подставят. Определившись с выбором, поехал домой. Загнал машину в паркинг, поднялся на лифте. В доме всё ещё шёл незаконченный ремонт, лифты пестрели объявлениями: «Покрашу», «Порежу», «Помою». В коридоре пахло вкусно. «Неужели у нас?» – подумал я и открыл дверь квартиры. Нет, не у нас. У нас пахло ацетоном. Я вошёл. Супруга снимала лак с ногтей на ногах. Она мило улыбнулась: «Хочешь кушать?» – деловито спросила она. Я поцеловал её в подставленный лоб. «Хочу», – признался я и пошёл раздеваться. «Тогда давай куда-нибудь сходим», – радостно предложила жена. Я понял, что попался на удочку, но сдаваться не собирался. «Милая, я только что приехал и никуда ехать не хочу». Даже не видя силуэта жены, я почувствовал, как она надула губки. Но у меня был запасной план. «А кто хочет на море?» – крикнул я из спальни и, облачаясь в пижаму, вышел в гостиную. Из своей комнаты выбежала дочь Мила: «Я хочу!» – верещала она. Супруга тоже сидела с поднятой вверх рукой. Я сел на диван и настороженно произнёс: «Поедем в Египет. В хорошую четвёрку». «Ой, как так...» – запричитала супруга. Дочь вторила ей: «Там же грязища, и арабы повсюду!» Я прикрыл глаза и обрушил на них главный аргумент: «В этом месяце нам доступен только Египет. Если не хотите – полетим в феврале куда угодно». Женщины задумались и стали держать совет. Два месяца без моря они явно не выдерживали. «А в феврале мы всё равно поедем?» – уточнила жена. «Да», – ответил я. «Во Вьетнам. На виллу». «Ура!» – закричала дочь. «Мы летим!» «А как же школа?» – строго и наигранно произнесла супруга, явно перекладывая всю ответственность на меня. Дочь подбежала ко мне и начала клянчить: «Ну папочка, ну отпроси меня...» «Хорошо», – согласился я. «Тогда и суши закажи», – не отрываясь от ногтей, сказала супруга. Я встал и пошёл на кухню, бросив через плечо: «Я суши не хочу». Но меня уже догоняла дочь: «Вот, пап, вкусные суши!» – тыкала она мне в нос своим смартфоном. В итоге я попил кефира и лёг спать. Суши я и вправду не любил. Рано утром нащупав упругую попку супруги и не обращая внимания на ее сонные бормотанья присунул ей свою прелесть. Она не выходя из сна безропотно отдавала мне свое тело. Но не ограничиваясь одним положением. Приподнял ее зад над кроватью и с удовольствием кончил. На следующий день я заехал в турагентство, получил ваучеры, потом заскочил в школу – встретился с директрисой и отпросил дочь на пару дней «к бабушке». За двести баксов. Бабушке, правда, это было не нужно, да и мне тоже не нужны были лишние разговоры. Вылет – через три дня. Я позвонил супруге и обрадовал её, но она заявила, что ей нечего надеть. «Купим всё там», – ответил я. Несмотря на это, вечером, когда я приехал домой, квартира была пустая. Я позвонил и узнал, что супруга с дочерью уехали в торговый дом – за шляпками.

Глава 2

В аэропорт поехали на машине – не любил я таксистов. Машину оставили в паркинге и вошли в зал. До отправления было ещё три часа. Сдали багаж – летели бизнес-классом. Прошли таможенную и вошли в терминал ожидания. Девчонки убежали в дьютик, а я направился в лаунж бизнес-зала. Я никогда не любил, когда в карманах что-то лежит, поэтому всегда носил

с собой сумку. Выбрав место поудобнее, сразу дал подошедшей официантке десять баксов и попросил виски и закуски. Девушка прытко убежала. Дождавшись виски, я отпил. Она предложила виски премиум-класса за доплату, но я отказался, понимая, что в Египте всё равно придётся пить местное пойло. Девушка улыбалась – не мило, а кокетливо. – У вас тут есть номера? – спросил я с намёком. Она слегка покраснела. Я понял, что есть. Но демонстративно отвернулся, и она ушла. Я прошёлся по залу, взял себе пива и орешков. Осмотрелся – никого из знакомых не обнаружил. Из дальнего угла подозвал официантку. – Где апартаменты? – спросил я. Она снова покраснела и глазами показала на дверь. Я ей тоже глазами дал понять, что она должна туда пройти. Она помялась, но пошла. Я прошёл за ней и закрыл дверь. Комната была больше похожа на подсобку, чем на номер, но там стояла кровать. Вынув сто баксов я сунул ей в передник. Она кокетливо поцокала языком. Не предаваясь долгим разговорам я развернул ее и пригнул к кровати. Пере домной открылся вид на неплохой задик в трусиках в горошек. Приспустив их я присунул свою прелесть между булок и начал разведку полости. Запах был приятный и возбуждающий, но конфигурация полости не предвещала райских кущ. Салфетку – спросил я ее. Она вытащила из передника пачку и протянула мне – смущенно улыбаясь. Я шлепнул по ее задку ладошкой. Молодец похвал я ее. Сделав свои дела, я вышел. В зале уже хозяйничала супруга с тарелкой, набирая всякую всячину. Дочь сидела за столиком и ела пирожные, запивая колой. Я подсел к ней с бутылкой пива. Подошла жена. – Ты где был? – поинтересовалась она. – Руки мыл, – ответил я. И они принялись показывать, что накупили в дьютике – из трёх пакетов. Осмотрев все покупки и уложив их в чемоданчик, мы пошли на посадку. «Боинг» был полон туристов. Они проходили через наши ряды и бросали на нас взгляды: кто с удивлением, кто с завистью, кто-то безразлично, но каждый в глубине души хотел оказаться на нашем месте. Полёт проходил спокойно. Три часа пролетели незаметно. Жаркий Египет встречал нас.

Глава 3

Прошли паспортный контроль, получили чемоданы. Подбежал араб и предложил услуги носильщика. Дав ему десять долларов, мы прошли к ожидавшему нас трансферу. Немолодой «Мерседес» довез нас до Swissotel Sharm El Sheikh All-Inclusive Collection Resort 5 в Наама-Бей. Прилетели к часу. Уже начинался обед – нам принесли приветственные напитки и посоветовали пообедать. Администратор объяснил, что наш корпус, Adults Only, находится через дорогу. Но мы отказались от обеда в общем зале и поехали на гольфкаре в свой корпус – хотелось принять душ, облачиться в летнее и почувствовать настроение отдыха. Номер был с видом на море, которое виднелось через красивые соломенные зонтики. Облачившись в шорты и лёгкую рубашку, я спустился вниз. Оказывалось, что в нашем корпусе был бар и отдел с пищей. Я сел за столик и заказал виски – мне предложили виски премиум-класса за доплату, но я отказался. Зато дал официанту десять долларов. Вест о том, что приехали туристы на личном трансфере, облетела весь персонал отеля. Они хотели получить от нас «бабки» и стать нашими личными официантами. Поэтому, когда спустились супруга с дочерью, нам накрыли стол со всеми закусками и вкусоностями из главного зала. Приехал даже шеф-повар лично. Он презентовал свои блюда, рассказывая, какой он хороший повар и что готов лично готовить для нашей семьи любые блюда. Я протянул ему сто баксов за усердие. Он поклонился и заверил нас, что мы будем изумлены его блюдами. – Пап, ты же сказал, поедem в четвёрку? – лепетала дочь, оглядывая всё вокруг. Я усмехнулся и, показывая вокруг, произнёс: – Это сборище неудачников, кто не может себе позволить настоящий Rixos. Супруга рассмеялась: – Мы тоже неудачники. – Нет, – успокоил я её. – Лучше быть уважаемым гостем в кафе, чем стоять в очереди в престижном ресторане. И мы весело рассмеялись. – А отель так... ничего себе, – сказала супруга. – Да, – произнёс я по пафосу. – Конечно, не Rixos, но обслуживание и питание не хуже, а берег даже лучше. Номер был очень большой, просторный, с большим балконом. В номере стояла огромная и очень удобная кровать. В общем, нам всё нравилось. Дождавшись, когда

мы пообедаем, подошёл управляющий отелем – представился Ахмед – и предложил нам экскурсию по отелю. На территории для взрослых царил приятная спокойная атмосфера. Зимой бассейны с подогревом, показывал он. Когда проходили мимо холодильника с мороженым, он лично подал нам мороженое Mövenpick. Территория отеля была небольшой и тихой. Через променадную пешеходную дорожку находился пляж с охраной. Песок был жёлтенький, крупной фракции. Пляж был двухъярусный, но заход в море проходил по камням. Хотя и объявлялось, что заход пологий и песчаный, камни попадались. Но нас уверили, что правее их вообще нет. Когда управляющий закончил экскурс я незаметно сунул ему в ладонь сто баксов. Он расплылся в одобряющей улыбке. Он расплылся в одобряющей улыбке: – Вам отдых в нашем отеле понравится, – заверил сердечно он. Мы остались на пляже. Девчонки были готовы к водным процедурам, и мы зашли в воду. Вода была ещё тёплой, а прохладный ноябрьский ветерок слегка охлаждал кожу, но мы быстро привыкли – это же не наши минус двенадцать со снегом. Когда вышли на берег, нашёлся и старший спасатель, Махмед. Он подвёл команду спасателей и представил всех. Это были те же самые Ахмеды и Махмеды. Имена не отличались разнообразием – поэтому крикнешь «Ахмед!» – точно кто-то откликнется. Я посоветовал им почистить заход у нашего лежака от камней. Махмед возразил, что камни нельзя вытаскивать из моря, типа кораллы. Я подвёл его к воде и показал: – Ты не вытаскивай, просто освободи от камней дорожку в пару метров. Я показал руками, чтобы он растащил камни от нашего прохода. Он закивал в знак согласия и погнал своих подчинённых воплощать наше пожелание. Гости отеля внимательно наблюдали за происходящим, но не вмешивались, соблюдая статус. Многие из них приехали сюда как в самый лучший отель и на последние деньги. Для нас же он представлялся простым местом на первом берегу, где нет знакомых – вдоволь устал я от пафосных отелей, где каждый пятый узнаёт тебя и пристаёт с разговорами и предложениями о бизнесе. Затем приехал администратор из SPA-салона и предложил пять бесплатных посещений. Я отошёл от этого базара удовольствий, потому что хотел наслаждаться отдыхом. Мы уже достаточно мелькали среди туристов, а супруга всё ещё купалась в лучах внимания к нашим персонам. Сев в сторонке, я закутался в полотенце. Мне тут же принесли халат, и я облачился в него. Поставили столик и сервировали закуски. Я пил пиво и созерцал море. Проходящие девушки и женщины бросали на меня кокетливые взгляды – им тоже хотелось кусочек неземной манны. – Гульчатай! – окликнул я проходящую девушку из SPA-салона. Она услужливо подбежала. – Я Зульфия, – представилась она. – Гульчатай, – продолжил я, не обращая внимания на имя. – Организуй мне массаж на берегу, хорошо? Она вежливо улыбнулась, сделала книксен и убежала. Тут же завелась машина турбизнеса: на шесты натянули ткань, разложили большой зонт, принесли матрац. Появился здоровенный Ахмед с волосатыми руками. Он вежливо улыбался. – Какой массаж вы желаете? – спросила Гульчатай. Я показал глазами на волосатого здоровяку. Она произнесла: – Мы мусульмане – массаж мужчинам делают мужчины. Я усмехнулся: – Девочку хочу, – сказал я капризно, демонстративно отвернувшись. Мороженщик, поймав мой взгляд, махнул мне рукой, подбежал с цветным буклетом и предложил на выбор. – Сделай как себе, – сказал я ему небрежно и дал сто баксов. Он в прыжке убежал. Когда мне принесли мороженое в серебряном блюдечке – три рожка, посыпанные миндалём, а края тарелочки облиты шоколадом – подошла Гульчатай с девушкой. Не первой молодости, конечно, но не страшной и не волосатой. Облизывая мороженое, я разглядывал её. – Это Зухра, – представила Гульчатай. – Она из Сирии. – А что, в Сирии нет мусульман? – удивился я. Гульчатай помялась в поисках ответа и выдала: – Можно прикасаться к чужим мужчинам. Ответ меня удовлетворил, и я лёг на матрац. Меня принялись массировать.

Глава 4

Массаж начинался грубо, но я, слегка ударяя ногой по матрацу, словно дирижировал процессом. Постепенно удары сменились на мягкие, скользящие прикосновения, и вскоре я уже растворялся в дреме. Меня разбудил лёгкий шёпот супруги. – Мы тоже хотим массаж, –

сказала она, усаживаясь на матрац. Я поднялся, уступая место, и поцеловал её в щёку. Матрац был широким, и они обе разместились на нём. К нам подошла ещё одна девушка – всё выглядело как часть курортного шоу для туристов. Я взял бокал с виски и вышел на променадную дорожку. Вдруг подбежал охранник: – Нельзя со стаканом по дороге, – сказал он на ломаном русском. Я протянул ему бокал: – Тогда неси его сам. Администратор тут же устроил охраннику небольшую расправу, а я спокойно пошёл дальше. Охранник плёлся за мной, но вскоре его сменил официант с корзиной. Проходя мимо «Новотеля», я заметил на пляже аниматоршу с идеальной фигурой. Она кокетливо строила мне глазки. Я помахал ей рукой, но не подошёл. *Ночь ещё только начинается*, – подумал я, направляясь в номер. Но коридор преподнёс сюрприз: дама, словно случайно, столкнулась со мной. Я осторожно поддержал её за локоть. – Ой, простите... – лепетала она, смешивая лёгкий перегар с ароматом дорогих духов. – Да что вы, – успокаивал я, отводя её за угол. Она изумлённо смотрела на меня: – Мы с вами... мы не знакомы, – кокетливо сказала она. – Ну что ж, познакомимся, – ответил я, прижимая её к стене. – Я Жанна, – сказала она, оглядываясь по сторонам. – Андрей, – представился я. – Тут везде люди... – шептала она, краснея. – Тогда пойдёмте к вам, поближе познакомимся, – предложил я. Она бросила на меня игривый, чуть дерзкий взгляд. – Я как бы замужем, – призналась она, но глаза её сияли, кокетство не сходило с лица. – Подожди меня здесь, – сказал я и спустился вниз. Ахмед, занятый своими делами, заметив меня, подошёл: – Как проходит отдых? – Сделай мне номер на первом этаже, где-нибудь в тихом уголке, – сказал я. Он подмигнул и повёл меня. Как по волшебству, у него появился ключ. Дверь номера открылась в дальнем углу корпуса – окна выходили во двор, заваленный старой мебелью. Уборка оставляла желать лучшего, но выбора не было. – Ключ, – попросил я у управляющего. – Это мастер-ключ... – замылся он, – но пусть дверь остаётся открытой. Сюда никто, кроме вас, не зайдёт, а внутри есть запор. Я сунул ему сто долларов. Управляющему сумма явно не понравилась, но спорить он не стал. Чувствуя интимность момента. Поднявшись на второй этаж, я увидел женщину у окна. Она грациозно повернулась, будто специально для меня, и я поманил её рукой. Её глаза заиграли, губы чуть подёрнулись улыбкой. Я вернулся в «секретный» номер, предвкушая продолжение этой встречи. Заведя её в номер, я закрыл щеколду. Она набросилась на меня с жаркими поцелуями, не теряя времени, скидывая парео и верх купальника. Я толкнул её на кровать, и она упала на матрац спиной, ловко задрала ноги и сняла трусы купальника. Призывно раздвинув ноги она ждала меня. Она ждала меня как женщина которая знает чего хочет от мужчины. Она была страстна и голодна до секса. Отдаваясь до последней капли – без остатка. Кончив сама она – без устали доставляла мне удовольствия. Насладившись ее я пошел в душ и долго смывал с себя запах её духов. – Скажи название своих духов, – сказал я. – Ты мне подаришь такие? – томно перевернувшись с живота на спину, прошептала она. – Я подарю тебе всё, что пожелаешь, – произнёс я с лёгкой иронией. Она была прекрасно сложена: ей было не больше тридцати, симпатичная мордашка, грудь чуть больше первого размера, но зато бедра как лопата. Это был прекрасный подарок для отдыха. – Можно я здесь ещё поваляюсь? – спросила она жеманно. – Да, – ответил я, закрывая за собой дверь. Я не любил долгих прощаний. Поднявшись в номер, я лёг на кровать и уснул. Когда пришла супруга, я даже не заметил. Когда проснулся, она спала рядом. Дочь занимала смежную комнату. Проснувшись, уже смеркалось. Я открыл минибар и отхлебнул пива. *Отдых стал приносить удовольствие*. Взяв с собой бутылку, я пошёл на пляж. В воде, пользуясь отливом, до сих пор барахтались спасатели, перебирая камни, лежаки собирались, а песок рыхлили граблями. Я дал ребятам по полтиннику, чтобы не затаили обиды, и лёг на лежак, который подтащил ко мне к воде старший по пляжу Махмед. Я дал ему сто баксов – он присел от удовольствия на месте и, кланяясь, благодарил. Я вошёл в воду – проход они расчистили хорошо. Крупных камней не было, а мелкие не могли повредить ноги. Туристов выгоняли с пляжа. Некоторые возмущались, показывая в мою сторону, но пришёл офицер полиции в белой рубашке с кобурой на ремне – полемика сразу прекратилась. Туристы,

понутив головы, ушли с пляжа. Откуда-то выбежала Жанна, призывно махая рукой. – Андрей, я тут! – крикнула она. Офицер обернулся, а я сделал ему жест рукой – он пропустил её под злобный ропот уходящих туристов. Жанна подбежала к воде – яркая, красивая со всех сторон, она счастливо улыбалась, ощущая привилегию и наслаждаясь общим вниманием. Пляж опустел от туристов. Темнота ночи опускалась на Шарм-эль-Шейх. К берегу подтянули прожекторную мачту и осветили нам площадку. Из отеля вышли супруга с дочерью и беспрепятственно прошли на пляж. Общий «хабар» прошёл по отелю и пляжу – всем хотелось нам услужить. – Здравствуйте, – первой приветствовала Жанна мою супругу и дочь. – А я вот зашла на огонёк к берегу, – добавила она. – Добрый вечер, – ответила супруга. Они познакомились. Дочь покосилась на бедра Жанны и легла на шезлонг, предоставленный ей Махмедом. Женщины быстро нашли общий язык. Моя супруга никогда не ревновала меня и спокойно относилась к моим женщинам, воспринимая это как необходимое зло.

Глава 5

У ворот пляжа появился мужчина и позвал Жанну. Она, сложив ладони перед лицом, жалобно попросила мою супругу: – Пожалуйста, пропустите моего мужа, а то он будет на меня сердиться. Супруге стоило только повернуться к охране и кивнуть головой, как мужчина был пропущен. Он с дочерью кряхтя и расплываясь в благодарной улыбке, следовал к нам. Сцена явно была подстроена, или мужичок оказался ушлым – он вынул из кармана бутылку «Джек Дэниэлс». – Я не с пустыми руками, – с гордостью произнёс он. – От нашего шалаша к вашему, – продолжал увещевать. Мы познакомились: Валентин Фёдорович, а для нас просто Леня, профессор Московского университета. Лет пятидесяти, с залысиной и небольшим животиком, но ещё подвижный, среднего роста, с прекрасной эрудицией – не зря же профессор философии. Он украсил нашу компанию. Их дочь – расцветающая девушка, ровесница нашей дочери, так что они быстро нашли себе занятие. Становилось прохладно, но все продолжали купаться, наслаждаясь запретным плодом. По променадной дорожке ходили люди, пытались собраться у входа на пляж, но полицейские усилили пост двумя офицерами, и люди рассосались – двухметровые стражи в белых рубашках внушали туристам ужас, и они обходили вход стороной. Приехал гольф-кар и заехал прямо на пляж – стали организовываться столы и стулья, забегали официанты, и, как изюминка на торте, появился шеф-повар в громадном колпаке. Привезли напитки и спиртное – бутылка «Джек Дэниэлс» померкла среди барной стойки отельного сервиса. Два официанта принесли поднос с целым запечённым барашком. Повар отошёл от мангала и принялся нарезать мясо, прищипывая языком. Помощник повара жарил овощи на мангале, и когда шеф поднёс первую тарелку моей супруге, они поднесли жареные овощи и гарнир. Я протянул повару фужер с лимонадом, и он, поклонившись с благодарной улыбкой, произнёс тост на английском. Мы ему похлопали, и он присел с нами за стол – мы вкушали прекрасный ужин. Шеф-повар, извинившись, ушёл по делам, а мы продолжали веселиться, угощая полицейских и управляющего отеля. Пришли танцоры и устроили весёлые пляжные танцы – особенно понравились четыре худых мальчика в африканских нарядах с зажигательными движениями, и мы пустились в пляс вместе с ними. Пришли и девушки-танцовщицы, но все как-то беспонтовые – глаз было не на кого положить. Потом появилась Гульчатай, заждавшись нас в спа-салоне. Выбрав момент, я отвёл её в сторону и шепнул про девушку-аниматора с «Новотеля». Она понимающе кивнула и скрылась в темноте. В 11 вечера музыку приглушили, так как по концепции отеля даже для нас не могли нарушить это правило, и как-то само собой к полуночи мы закончили нашу вакханалию. Когда я выходил с пляжа, заметил висевшую табличку: «Вход – 1000 долларов». В темноте маячила Гульчатай. Я подошёл к ней, нас повели в закулок между отелями. – Познакомься, это Аня, – представила она меня. – Очень приятно, – ответил я. Оставшись с ней вдвоём, мы пошли по улочке, но она остановилась в тени забора. – Мне нельзя гулять с туристами, – призналась она. – Я решу этот вопрос, – сказал я, прижимая её к себе. Она отошла: – Вот когда решишь, тогда и поговорим, – произнесла кокетливо.

Но я всё же прижал её к забору и увлек в промежуток между плит. Она ойкнула но уже не сопротивлялась. Целуя ее я задрал юбку. Она ловко закинула мне ногу на плечо в шпагате. Сдвинув край трусиков и вогнал свою прелесть в ее лоно. Аня нежно целовала мои губы явно зная себе цену и не сомневаясь в своих прелестях. Ее лоно было прекрасным и плотным оно охватывало мою прелесть принося волшебные чувства. Или от чувства опасности момента но я быстро кончил. Она двигала бедрами запуская меня глубже. Я понимал, что это стойка в шпагате стоит ей больших усилий – значит она сделала ставку на меня. Ловко вытерев мою прелесть подолом своей юбки она уткнулась мне в грудь. Теперь ты точно решишь все вопросы произнесла она тяжело дыша. Я поцеловал ее в губы. Жди сказал я оставляя ее в ночи. Прощаться я не любил, но придя в отель, нашёл Ахмеда, управляющего. Отведя его в сторонку, сказал: – Девушка Аня с «Новотеля», аниматор. Перекупи её и на время моего пребывания освободи для меня. Он пытался набить себе цену, но я произнёс ключевую фразу: – Сумма не имеет значения. Он сразу протянул мне руку, и мы заключили сделку.

Глава 6

Спать не хотелось, и мы с семьёй Жени пошли на Наама-Бей – там музыка не смолкает до утра. Нам предлагали ночные клубы, но мы были не готовы к ним. В районе Наама-Бей мы были не в первый раз, знали все значные места, и нас помнили по предыдущим поездкам. Поэтому, как только мы пересекли кольцо на пешеходной улице, к нам со всех сторон полетели зазывалы из разных кафе. Но супруга любила только одно заведение, давно запавшее ей в душу. Мы упрямо шли в «Али-Бабу». Чем оно приглянулось жене – не совсем понятно, но причин было две. Во-первых, супруга хозяйина кафе была русской, а когда мы впервые туда зашли, маленькая девочка-метиска бегала между пуфиками, щебеча по-русски. Во-вторых, там танцевали все: официанты, танцоры и даже сам хозяин выбегал в центр зала на флешмоб вместе с персоналом. О нашем приезде шумел весь Шарм, и нас ждали. Сам хозяин кафе с супругой встречали нас у входа – тепло обнялись, перекинулись парой фраз и усадили на наше любимое место, убрав пуфики вокруг, чтобы не было соседей. Проход в кафе закрыли, хотя внутри находилась всего одна пара. Теперь вход был только для избранных – а избранные это семейные египтяне без сплошной паранджи. На передних столиках появились таблички «Reservation». Мы расселись: я сел за столик у бара, а супруга с дочерью разлеглись на пуфиках. Им принесли кальян, который я терпеть не мог. Мне же принесли одеяло и поставили тепловую пушку – в ноябрьскую ночь было прохладно. Официанты вместе с хозяином кафе выбежали на танцевальную платформу и исполнили флешмоб. В те старые времена они были молодыми и худыми – это выглядело эпично. Сейчас же сорокапятiletний стокилограммовый мужик, пляшущий рядом с худыми пацанами, смотрелся уже не так эффектно, хотя, возможно, он танцевал так только для постоянных гостей, которые помнили его молодым. Я и сам старался не выходить танцевать с молодёжью, представляя себя со стороны дряхлым стариком на их фоне. Супруга помахала мне рукой, и я кинул ей пачку баксов. Дочь ловко поймала её и игриво помахала деньгами арабам. Увидев купюры, танцоры оживились. Пусть пачка была пятидолларовая, но это был куш, который им достанется. Танцоры стали по очереди подходить к супруге и получать по бумажке. Они прошли по второму кругу, а на третьем сделали общий прыжок с криком. Возможно, супруга дала бы им и в третий раз, но они не стали испытывать судьбу. За бортиком, отделявшим кафе от променадной улицы, толпился народ, привлечённый весельем, но их не пускали, опасаясь испортить атмосферу. Потом прошла семья египтян – трое мужчин и пять женщин разного возраста, с открытыми лицами, женщины постарше – в платках, улыбчивые и спокойные. Постепенно кафе заполнялось, а танцпол не остывал: танцоры сменяли друг друга. И тут из-за кулис выскочил танцор с юбками. Он подскочил к супруге, взметнул юбку к небу и, пока ткань кружилась, успел поцеловать ей руку. Подхватив юбку, он завертел ею и подошёл ко мне, приветствуя поклоном – мы знали его ещё с первого посещения этого кафе. Возможно, его вызвали именно по этому поводу. Супруга отдала ему сотенную купюру. Танцор сделал сальто

и в прыжке поймал юбку – шоу было превосходным. Он подошёл ко мне и поклонился. Я ждал именно его выступления и тоже дал ему сотню. Танцор сложил юбку и, махая купюрой, вышел из кафе. Я тоже ушёл, предупредив супругу. Шарм-эль-Шейх для меня всегда был излюбленным местом: три часа лёта, «всё включено» и максимум полиции. А для меня полиция – это спокойствие туриста. Я люблю гулять ночью. Не потому, что меньше людей и нет солнца, а, наверное, потому, что достигаю такого уровня алкогольного опьянения, который становится сопоставим с окружающими. Ночью остаются все пьяные – и им уже не страшен ни языковой барьер, ни разница культур. Я не поклонник болтовни по пьяни и уж точно не ищу, кого бы подцепить. Мне ближе простое созерцание мира вокруг – пьяного тебя и такого же пьяного мира, который бродит рядом в своём мягком, шатком бреду. В этом потоке единомышленников находишь странное, но настоящее спокойствие. Я брёл без цели и направления, просто по вектору движения толпы. Когда один поток исчезал, я находил другой и шёл вместе с ним. Мне это нравилось. И когда чья-то рука вырвала меня из этого течения и увлекла в тёмные закоулки, я не сразу сообразил, что происходит. Нет, это не было грубым похищением. Это был позыв к приключению – он всегда узнаётся: в прикосновении нежных рук, в лёгком шёпоте и смехе, в том самом движении, которое мягко, но уверенно тянет тебя за собой. Сознание плыло, словно густая тёплая жидкость. Время растянулось, потеряло края. Я уже не понимал, сколько секунд проходит между вдохом и выдохом – они сливались в одно длинное, ленивое движение. Прохлада комнаты медленно оседала на коже. Не холодила – лишь напоминала о себе, как прикосновение воздуха к влажному телу после душа. Запахи больше не пугали: они просто были. Чужие стены, чужие ткани, чужая жизнь – всё это существовало где-то рядом, но не требовало внимания. А вот запах шампуня держал. Он был ближе всего, почти осязаемый. В нём угадывалась вода, тепло, что-то мягкое и домашнее. Запах свежего женского тела накрывал волной – не резкой, а спокойной, убаюкивающей. Он не звал и не требовал, он просто обещал. Где-то рядом двигалось тело. Я чувствовал это не глазами – кожей. Тепло смещалось, воздух едва заметно колыхался, и от этого становилось странно спокойно. Руки казались тяжёлыми, ноги – чужими, словно я оставил их где-то по дороге, в одном из тех потолков. Мысли больше не складывались в слова. Они растворялись, не успевая оформиться. Оставалось только чувство – мягкое, тягучее, как сон на грани пробуждения, когда ещё можно никуда не идти и ничего не решать. И в этом состоянии хотелось одного – не двигаться и не возвращаться обратно.. Первое чувство которое я осознал это что, моя прелесть находится у кого то во руту и это чувство было волшебнo.. он был обласкан и любим. С этими мыслями я уснул. Да и чему тут удивляться – бывает и такое. Проснулся от радостной неги, счастливым. Оглянулся: всё тот же потолок отеля – значит, я на месте. Повернувшись, я обнял жену и прижался к ней, но почти сразу понял, что ощущения меня обманули: формы были другие. Я осторожно ощупал тело и окончательно убедился – это было явно что-то большое и совсем не то, что я ожидал. Подумал включить свет- но не желая портить торжества момента .Провел ладонью по голым ягодицам – по большим ягодицам, запустил свою прелесть. Он с ловкостью ищейки нашел свое место . Рука сжала объёмную грудь ,ощущения были приятные. От волос пахло чем то сладким и непривычным . Когда количество смазки увеличилось моя прелесть захлопало. Я привлек тело к себе и забрался на нее сверху. Большие груди уперлись мне в грудь , а живот кольнули волосы стриженного лобка . Ее губы нашли мои – я почувствовал вкус и запах чужой слюны – но он быстро прошел смешавшись с моим. Ее язычок шаловливо метался полости моего рта – доставляя невероятные ощущения. Но вот моя прелесть болталась в ее промежности как неприкаянный. Он метался , а точнее болтался в обильной смазке не нащупывая складок и бугорков. Она выпустила мои губы заставив от полученного удовольствия. Оторвавшись от её губ, я разглядел лицо женщины – довольно симпатичное, но совершенно мне незнакомое. Полноватое, с правильными чертами, обрамлённое вьющимися волосами. Она тоже внимательно рассматривала меня: глаза её торжественно улыбались, а всё лицо светилось тихим, почти дет-

ским счастьем. — Как тебя зовут? — спросил я. — Маша, — ответила она тоненьким голосом, удивительно несоразмерным такому объёмному телу. Кожа её была бархатистой и упругой. Я лёг на спину. — Откуда ты взялась, Маша? — спросил я, разглядывая потолок. В ответ она метнулась ко мне с резвостью лани, и я только успел удивиться этой неожиданной лёгкости. Ее ротик снова обласкал мою прелесть. Да в этом она мастерица подумал я — закрывая глаза от удовольствия. Когда накал удовольствия чуть спал. Я нащупал ладонью ее ягодичи. Не отвлекаясь от своего дела — она подвинулась ко мне ближе, подставляя свой зад для моего удобства. Ладонь стала мокрой от ее выделений и легко скользила между ее булок. Не долго думая я просунул ее во внутрь. Конечно не без труда но ладонь полностью вошла. Я ощутил себя гинекологом. Мои пальцы коснулись конца пещеры — нащупав там шарообразное уплотнение. Обхватив их пальчиками я помассировал. Она застонала — выпуская мою прелесть из рта. Запястье моей руки почувствовало легкое сжатие. Тело ее содрогалось. Я нежно вынул руку, она застонала подрагивая бедрами. Я положил мокрую руку на ее спину. Она снова потянулась к моим губам и нежно поцеловала. Потом села на край кровати, уставившись в пол, будто там лежал ответ. Не найдя его, вздохнула и снова легла рядом, прижавшись губами к моему плечу. По коже побежали поцелуи — тёплые, почти успокаивающие, словно так и должно быть. Мы где? — спросил я, осматривая номер. Интерьер был знакомый, до обидного знакомый, но ощущение — будто кто-то переставил мебель в моей голове. За окнами слышался шум машин, слишком живой для моего состояния. — В Swissotele, — пропищала она. — Странно... — протянул я. — Что-то номер не похож. — Это главный корпус, — сказала она виновато, как будто призналась в разбитой вазе. — А я сюда как попал? — спросил я с той самой непринуждённостью, с какой обычно выясняют, где потеряли ключи. Она замолчала, собираясь с духом, и вдруг выпалила: — Я тебя украла. Я рассмеялся. Не потому что смешно — просто мозг решил, что это самый подходящий вариант реакции. Вроде вчера я немного пил... хотя «немного» — понятие растяжимое. Я попытался прокрутить вечер назад: виски, коктейль, пиво — последовательность сомнительная, но тогда казалась гениальной. Вспышками всплывали танцор, толпа туристов, музыка, свет — всё было, кроме неё. Будто память аккуратно вырезала этот фрагмент, оставив вместо него белое пятно с припиской: *разберёшься позже*. — Я заложник? — спросил я, отдирая прилипшую руку от её плеча. Она приятно расхохоталась, не переставая смеяться, спрыгнула с кровати, принесла влажную салфетку и заботливо вытерла мне руку. Затем, ни капли не смущаясь, занялась собой — будто это было чем-то совершенно обыденным — и снова легла рядом.

— Нет, — сказала она уже тише. — Я просто тебя украла. — Зачем? — уточнил я.

Она смущённо улыбнулась, прижалась губами к моей коже. — Ты мне нужен. Именно ты. Я хочу ребёнка от тебя... Чтобы он был таким же сильным и красивым. Чтобы любил меня. Она притихла, и её голос растворился где-то между словами и дыханием. Я немного подумал и осторожно заметил: — Я, вообще-то, женат.

— Я знаю, — спокойно ответила она. — Я видела тебя в кафе. Видела, как ты относишься к жене и дочери. Как разговариваешь с персоналом. Я заметила тебя ещё в первый день, когда вы прилетели, и сразу поняла: вот он. Мой мужчина. Отец моего ребёнка. Я хмыкнул, осознавая, что ситуация стремительно приобретает очертания шахматной партии без хороших ходов.

— Ты замужем? — спросил я, пытаюсь оценить расстановку фигур.

Она водила пальцем по моей груди, словно вычерчивала маршрут, и собиралась с ответом. — Я большая, — начала она неожиданно исповедальным тоном. — И, как говорят, не самая удобная в плане секса. Мужчины обычно бросают меня после первой ночи. Я даже ходила к

врачу—мне сказали ,что так бывает и это не критично. Она вдруг приподнялась на локтях, высунула язык и с детской гордостью заявила:—Зато у меня географический язык. И правда —язык был испещрѐн глубокими бороздками. По её глазам было видно, что для неё это почти достоинство. *Лучшие бы борозды были где-нибудь в другом месте,*—подумал я, окончательно понимая, что память моя не просто дала сбой ,а откровенно меня подставила. И тебе хватит одной ночи чтоб забеременеть от меня спросил я Удивляясь она расхохоталась и весь мир будто подпрыгнул нет , нет ответила она содрогаясь всем телом .Я собрала твоё семя и заморозила , я готовилась у меня есть специальный контейнер . Я вижу как она смеётся ,как грудь её колыхнется . Как блестят ее глаза .Мне стало жаль эту смешливую девушку .Тебе сколько лет спросил я , она снова расхохоталась , а сколько ты мне дашь на вскидку спросила она сквозь смех . Я встал включил свет она легла на спину раскинулась как звезда я вижу всё тело . Думаю двадцать лет сказал я , Она смеётся груди колыхнутся , а розовые соски словно маячку описывают пространство. Спасибо произнесла она довольная , мне уже тридцать и лучшие мои годы прошли и смех растворился в комнате или это был мой мозг который плывёт в виски коктейль пиво танцор толпа туристов лица , лица , но её нет , а потом снова она рядом губы на коже поцелуи и снова смех и я не понимаю где я где она что реально , а что нет , а сердце бьётся и память будто выкинула страницу и оставила пустоту и смех её как эхо в голове. «Тебе сколько ещё осталось отдыхать?» – тихо спросил я. Она перестала смеяться. Медленно села на кровать, будто каждый её жест был наполнен тяжестью предстоящей разлуки. Её округлые груди, третьего размера, мягко покачивались при каждом движении. Они красиво сочетались с пропорциями её тела – высокой, чуть полноватой, с женственной грацией, которая притягивала взгляд. «Завтра я улетаю...» – проговорила она почти шёпотом. Словно сама себе это осознавая, глаза её потускнели, плечи опустились, и всё тело словно стало тоньше от грусти. Слёзы медленно скатывались по щекам, оставляя прохладную дорожку на шее, груди и животе, растекались вниз, и её дыхание стало более прерывистым, будто каждый вздох тянул за собой маленькую волну боли. Я слегка наклонился к ней: «Хочешь остаться ещё на две недели?» Она вскинула голову. Глаза вдруг заблестели сквозь слёзы. Сначала едва заметная улыбка, потом сияние, которое растворяло её печаль. «Конечно!» – крикнула она, и её руки обвили меня, мягко, но уверенно. Она была чуть выше меня, но её объятия были тёплыми, плотными, и в них ощущалась невероятная нежность. Я почувствовал каждый изгиб её тела, каждую мягкость прикосновения. «Давай, собирайся. Я сразу заберу тебя к себе», – сказал я, ощущая, как сердце начинает биться быстрее. Я направился в душ, а она тем временем аккуратно складывала вещи в чемодан, будто каждое движение было частью ритуала предвкушения. Мы вышли к ресепшену. Она сдала номер, а я объяснил менеджеру, что она остаётся до моего отъезда, и оплатил её проживание, определив её в мой «секретный» номер. Гольф-кар тихо покатиł нас через дорогу в другой корпус. Номер уже был убран и выглядел ещё уютнее. Маша медленно осмотрела комнату, её глаза блестели от удовольствия. Она положила в морозильник свой маленький «секретный» контейнер, потом обернулась ко мне и смущѐнно улыбнулась, будто между нами висела невидимая искра. «Тебе, наверное, он не понадобится», – произнёс я, едва слышно. Она пожала плечами, играючи: «У меня ещё парочка есть... а это как память о первой ночи». Я почувствовал, как воздух вокруг нас наполнился теплом и напряжением, словно сам момент не хотел заканчиваться, растягиваясь, медленно утекая сквозь пальцы, оставляя лишь сладкое предвкушение и мягкое ощущение близости.

Глава 7

Оставив её в «секретном» номере, я вернулся к себе. Супруга спала, её дыхание было ровным и тихим, а тело согревало всё пространство вокруг. Я лёг рядом, осторожно прижимаясь к её теплу, ощущая мягкость кожи и тихий ритм её сердца. Она пошевелилась, сонно приподняла голову, глаза ещё мутные от сна, и тихо, едва слышно, спросила: «Ты где... шаркался?» Я прислонился ближе, почувствовал её тепло, вдохнул запах, знакомый и родной, и

шёпотом произнёс: «Меня похитили». Она моргнула, глаза ещё не проснувшиеся, и, возможно, слова мои растворились где-то между сном и реальностью. Лёгкое дыхание, тихое движение – и она снова погрузилась в сон. Я тоже расслабился, ощущая тепло рядом, и медленно заснул, словно уносимый спокойствием. Разбудила меня только лёгкая дрожь рук на моём плече и мягкий голос: «Что ты там говорил про похищение?» Её глаза были ещё полусонными, но взгляд настороженный и пытливый. Она протирала глаза, будто пытаясь разглядеть в моих словах реальность. Я рассказал всё, каждую деталь, и наблюдал, как удивление растекается по её лицу – глаза раскрылись шире, рот чуть приоткрылся, словно она пыталась осознать происходящее. Пауза. Тишина. Она собирала мысли, её дыхание стало чуть более частым, губы шевелились, подбирая слова. И, наконец, тихо, с едва заметным дрожанием: «Ты собираешься её... оплодотворить?» Слова висели между нами, медленные и плотные, словно само время замедлилось. Я видел её внутреннюю борьбу: смесь удивления, тревоги и чего-то ещё – возможно, любопытства, возможно, тревожной растерянности. Каждое её движение, каждый взгляд и вдох казались важнее всего на свете, и я ощущал это всем телом. «Ты хочешь разбросать своих детей по всей России», – произнесла супруга тихо, но жёстко. В её голосе не было истерики – скорее холодная трезвость. «Ты знаешь, какие потом проблемы могут вылезти. Будешь кусать локти... но будет уже поздно». Я потянулся к ней и поцеловал в раскрасневшиеся щёки – мягко, успокаивающе, как делают, когда хотят не спорить, а снять напряжение. «Не переживай, любимая. Я всё оформлю юридически. К нашей семье никаких претензий не будет. Это её решение. И она сделала его осознанно – намеренно и без моего разрешения». Я почувствовал, как напряжение в её теле начало отпускать. Она на секунду замерла, словно прокручивая в голове совсем другой список рисков – уже не моральных, а вполне приземлённых. Когда до неё дошло, что на имущество семьи никто не посягает, она улыбнулась. Не сразу – осторожно, словно проверяя, можно ли себе это позволить. «Ты мне её покажешь?» – спросила она, и в этом вопросе любопытство уже явно перевешивало тревогу. «Да», – ответил я. – «Она живёт в этом корпусе». «Пойдём!» – вдруг вскрикнула супруга и резко вскочила с кровати. В ней будто что-то включилось – то ли чистое женское любопытство, то ли желание увидеть соперницу, то ли потребность убедиться, что всё под контролем. Любопытство или что-то ещё распирало её изнутри. Она, не переодеваясь, в пижаме, уже стояла у двери и требовательно смотрела на меня, будто решение было принято не мной, а ею. И вот так – немного нелепо, немного по-домашнему – мы вдвоём, в пижамах, вышли из номера и спустились на первый этаж. Номер был не заперт – Маша будто ждала нас. Она стояла у окна в красивом лёгком платье и при полном параде. Улыбнулась по-доброму и сама подошла навстречу. Протянула пухлую ладонь, представляясь: – Маша. Супруга пожала ей руку: – Анастасия. Она окинула взглядом внушительную Машину фигуру и с удовлетворением отметила про себя, что соперницы в ней нет. Маша это тоже поняла – по взгляду, – но обижаться не собиралась, принимая себя такой, какая есть. А может, за тридцать лет жизни она просто привыкла к своему образу гром-бабы. – Пойдём позавтракаем, – предложила супруга, и мы направились в наш ресторанчик. Маша пыталась координировать нас на правах знатока, особенно заметив, что мы в пижамах. – Привыкай, – бросила через плечо супруга. – Для нас правила не писаны. И действительно: стоило нам появиться на террасе бара-ресторана, как тут же пододвинули большой зонт и начали сервировать стол. На каталках уже стояли закуски, фрукты и соки. Подошла дочь, мы расселись. Она с любопытством разглядывала Машу. Вскоре подбежала и Жанна – видимо, поджидала нас с утра. Нам без лишних слов поставили ещё один стол и добавили закусок к завтраку. Мы познакомились. Жанна тоже с интересом рассматривала Машу, не вполне понимая её роль в нашей компании. Проходящие гости отеля замедляли шаг, округляли глаза и начинали шептаться: такой уровень сервиса явно выбивался из их курортной картины мира. Жанну буквально распирало от гордости – она величаво кивала всем знакомым, будто лично организовала это гастрономическое безобразие. Маша тоже удивлялась и, по простоте душев-

ной, сказала: – Да вам даже в а-ля карт рестораны записываться не надо – и ходить туда тоже. Вам всё сюда принесли. – А ты в какие ходила? – спросила супруга. Маша задумалась и назвала бразильский и ливанский. – Ну и как тебе? – уточнила супруга. Маша замялась: – Я вообще-то по ресторанам не хожу... сравнить не с чем. Понравилось, конечно, – но у вас здесь лучше. Она рассмеялась, и смех подхватили все. – А чем ты занимаешься? – спросила Жанна. Маша приосанилась: – У меня швейный цех в Москве. – Уу! – восхитилась Жанна. Супруга посмотрела на Машу уже совсем иным взглядом – не оценивающим, а прикидывающим. – Швейный цех? – переспросила супруга с той самой интонацией, в которой уже слышались проценты, обороты и сроки. – Большой? – Ну... – Маша пожала плечами так, что край стола едва заметно дрогнул. – Человек тридцать. В основном женская одежда: платья, костюмы. Иногда корпоративку шьём. – Тридцать, – задумчиво повторила супруга, делая вид, что считает крошки на блюде. – Это уже не «поиграться», это уже почти семья. Жанна энергично закивала, ловко управляя вилок, словно подтверждала экспертное заключение. – А ты сама шьёшь? – спросила дочь, не отрывая взгляда от Маши. – Сейчас больше командую, – честно призналась Маша. – Но если прижмёт, сяду за машинку. Руки всё помнят. – Правильно, – одобрила супруга. – Руководитель без ремесла – как официант без подноса. Проходивший мимо официант на мгновение напрягся, но, поняв, что это не про него, выпрямился и ушёл с видом человека, сохранившего профессию и честь. – А ты одна прилетела? – продолжала Жанна, явно намереваясь закрыть все пробелы в досье.

– Одна, – кивнула Маша. – Решила сбежать. Когда каждый день спрашивают, почему сроки горят, начинаешь мечтать о месте, где горит только солнце. – Очень знакомо, – почти одновременно сказали мы с супругой и переглянулись.

Повисла короткая пауза, наполненная звоном приборов, шорохом салфеток и деликатным ожиданием персонала, который держался поблизости, будто мы могли внезапно пожелать ещё чего-нибудь просто силой мысли.

– Ну что ж, – подвела итог супруга, отодвигая чашку, – Маша, официально заявляю: ты нам нравишься. – Правда? – Маша чуть смутилась. – А я уж думала, вы меня... ну... – Мы тебя изучали, – спокойно уточнила супруга. – Это не одно и то же. Жанна прыснула, дочь улыбнулась, а Маша рассмеялась широко и заразительно, так что несколько гостей за соседними столами обернулись, словно упустили важный момент спектакля. – Тогда я спокойна, – сказала Маша, переводя дыхание. – В такой комиссии я готова проходить аттестацию. – Не расслабляйся, – мягко предупредила супруга. – У нас бывают внеплановые проверки. Я сделал глоток кофе и подумал, что этот завтрак как-то незаметно перешёл из разряда курортных удовольствий в категорию событий, последствия которых обычно вспоминают задним числом и с лёгкой усмешкой. Их разговоры меня окончательно наскучили, и я, прихватив бокал пива, отправился к берегу. Там меня уже поджидал Махмед – управляющий пляжной зоны, человек важный, с выражением лица, будто он лично изобрёл Красное море. Он молча указал на большой матрас с подушками, вызывающе выбивавшийся из общей инфраструктуры стандартных жезлонгов. Я улёгся. Было мягко, почти подозрительно. Подложив под бок подушку, стал лениво разглядывать окружающих, как зритель, случайно купивший билет в первый ряд. Почти сразу принесли низкий столик и расставили закуски – с той особой аккуратностью, которая ясно давала понять: место это не для простых смертных. Подошли супруга с дочкой и устроились рядом со мной, будто так и было задумано архитектором пляжа. Жанна выбрала жезлонг неподалёку – на случай, если понадобится быстро быть «при нас», но при этом не совсем внутри происходящего. Маша осталась стоять. Видно было, что лечь рядом она не решается – то ли из скромности, то ли из уважения к рангу матраса. Супруга заказала шампанского. Мах-

мед немедленно отдал распоряжение принести ещё один жезлонг. Маша уже собралась пойти к нему, но супруга остановила её лёгким жестом и, не повышая голоса, пригласила лечь рядом. Я оглядел эту композицию, окружённый щебечущими, болтливыми сороками, понял, что мой лимит участия в социальном эксперименте на сегодня исчерпан, поднялся и молча направился на верхний ярус, прихватив с собой пиво и остатки внутреннего спокойствия.

Глава 9

Я устроился на верхнем ярусе, поставил бокал рядом и стал наблюдать. Отсюда пляж казался театром, где каждый актёр знал свою роль, а я – случайный зритель с привилегией сидеть на балконе. Снизу доносились голоса: смех, звон бокалов, шелест шампанского, разговоры, которые для меня превратились в фоновую музыку. Супруга с дочкой и Машей лежали на большом матрасе. Дочь периодически показывала Маше что-то в закусках, а супруга, как дирижёр, время от времени корректировала положение подушек, словно расставляла фигуры на шахматной доске. Жанна держалась чуть поодаль, на жезлонге, с выражением лица «я наблюдаю, но не вмешиваюсь», будто проверяла меня и Машу на предмет совместимости. Маша выглядела немного скованной – стояла, сдерживая себя, но в глазах угадывалась лёгкая озорная искорка, как будто она уже придумывала внутренние правила игры. Снизу Махмед бегал, выравнивая зонтики, поправляя полотенца, расставляя бокалы, – сцена напоминала хореографию: идеально скоординированная, но без чувства спешки. Я подпер подбородок рукой и улыбнулся: этот пляж стал микромиром, где каждый знал, кому и что положено. Люди на соседних матрасах удивлённо посматривали на наше расположение, явно пытаясь вычислить, кто тут главный. Я с трудом подавлял желание крикнуть им: «Расслабьтесь, вы всего лишь статистика в моей маленькой драме!» Смотрел на море – спокойно, ровно, и думал, что оно идеально контрастирует с этим шумным, упорядоченным хаосом внизу. Иногда чайки пролетали низко, словно проверяя, есть ли шанс украсть фрукты с нашего стола. Я сделал глоток пива и почти вслух прокомментировал: «Интересно, сколько ещё потребуется бокалов шампанского, чтобы Маша наконец расслабилась?» В ответ снизу донёсся лёгкий смех, и я понял, что наблюдать за этим спектаклем сверху – всё же удовольствие на грани удовольствия и садизма. Я сделал ещё глоток пива и устроился поудобнее. Сверху всё выглядело почти как шахматная партия: Маша всё ещё лежала на матрасе рядом с супругой, пытаясь казаться непринуждённой, а на деле каждое движение было рассчитано. Жанна, на своём жезлонге, наблюдала за всем с выражением «я всё вижу, но не трогаю фигуры», и это выглядело почти устрашающе – словно инспектор, проверяющий, насколько мы держим линию. Я тихо улыбнулся: «Похоже, мне досталась роль наблюдателя-игрока с верхней позиции». Снизу доносился смех, перебивался разговор, который для меня превращался в фоновый комментарий к действию. Дочь время от времени кивала Маше, показывала на закуски, словно передавая секретные сигналы – что-то вроде: «Смотри, тут тебя ждут тосты, а там фрукты». Маша, казалось, осознала, что она в центре внимания, и начала играть – осторожно, сдержанно, с лёгкой улыбкой, будто пытаясь угадать, как далеко можно зайти. Жанна напротив, вежливо наблюдая, слегка наклонилась вперёд и тихо произнесла: «Ну что, неужели наконец расслабишься?» Я с верхнего яруса прислушался к тону и подумал: «Хм, судя по всему, здесь идёт своего рода мини-социальный эксперимент. И я его режиссёр с видом случайного прохожего». Супруга повернулась к Маше и с лёгкой насмешкой сказала: «Ну, давай, покажи, что умеешь быть частью коллектива». Маша замялась, потом, собравшись, тихо рассмеялась, и это был момент, когда атмосфера на матрасе изменилась. Дочь заметила перемену и радостно заулыбалась, как будто объявили начало игры. Жанна села поудобнее на жезлонге и сделала шаг навстречу, приглашая Машу к лёгкому взаимодействию. Маша колебалась, но в итоге с осторожностью переместилась ближе, так что теперь её локоть почти касался подушки, на которой лежала супруга. Я наблюдал это сверху, с тихим удовольствием, отмечая, как каждый маленький шаг – это игра напряжения и доверия. Я прокомментировал про себя: «Интересно, кто кого здесь держит под контролем – Маша нас или мы её?» В

этот момент Маша улыбнулась, явно заметив мой взгляд, и я понял, что сверху моё положение даёт слишком много преимуществ. Снизу раздался звон бокалов шампанского, смех дочери, и я с лёгкой иронией подумал: «Да, этот пляж теперь напоминает сцену из какой-то курортной комедии с лёгкой долей психологии. И я в ней одновременно зритель и режиссёр». Голоса доносились отрывочно, отдельные фразы я угадывал лишь по интонациям и эмоциям. Мне хотелось понять, как супруга примет Машу. Известие о том, что Маша хочет от меня ребёнка, безусловно выбивало её из колеи, но Маша притягивала своей непосредственностью и полной безхитростностью. Она наивно удивлялась происходящему, и в ней не было ни капли подлости – это было видно сразу. Жанна, не удержавшись от любопытства, пересела на край матраса, чтобы быть в курсе событий, словно маленький корреспондент на передовой. Супруга лишь бросила на неё лёгкий, но говорящий взгляд и произнесла с лёгкой иронией: – Жанночка, сходите-ка искупайтесь, у нас тут семейный разговор. Маша, таким образом, автоматически стала частью семейного пространства в понимании Жанны. Она извинилась, улыбнулась и пошла в море, оставляя за собой лёгкий след покорности. Снизу доносились тихие голоса, перемешавшиеся с плеском воды, когда Маша медленно шла в море, а дочь уже брызгалась рядом, радостно выкрикивая что-то несвязное. Супруга осталась на матрасе, удобно устроившись, и Маша вернулась, слегка влажная, волосы прилипли к плечам. – Ну, – начала супруга с лёгкой улыбкой, – а теперь расскажи, что же тебя привело к нам? Не только желание «вызвать хаос», надеюсь? Маша смутилась, села рядом, слегка подтянув колени к груди, и взглянула на супругу так, будто пыталась понять, можно ли здесь говорить честно: – Знаете... – начала она, – просто хотелось найти мужчину донора. Без интриг, без хитростей... и... и... вы сами понимаете... это личное – я хотела родить для себя – не разрушая чужие семьи. Для меня семья, это святое... Мне не нужен мужчина для семьи – мне нужен только ребенок. Поэтому я решила это сделать на курорте. как в кино – и да я на курортный роман не рассчитывала. Она оглядела свое большое тело. Ну кому я такая нужна. Я думала отдамся хорошему мужику и заполучу ребеночка. А чтоб было наверняка купила специальные термосы для семени. – Хм, – супруга кивнула, слегка приподняв бровь. – Семени, говоришь... А что именно тебя в нас привлекает в Андрее? – добавила она с лёгкой насмешкой, будто проверяла, насколько Маша умеет отвечать прямо. Маша вздохнула, улыбнулась и честно: – Вы... и он такие... настоящие. Ни лжи, ни пафоса. Это редкость, знаете. И... и мне кажется, что у него есть стержень. И я хотела бы, что бы этот стержень передан моему ребенку. Супруга на мгновение помолчала, наблюдая за Машей, затем с улыбкой сказала: – Ладно, признаюсь, я ожидала больше драматизма. А ты... умеешь быть искренней, и это, похоже, твой козырь. Я с верхнего яруса наблюдал эту сцену, сдерживая тихую усмешку. Снизу это выглядело почти как психологический поединок без ударов, где каждая фраза – маленькая проверка, а каждая пауза – сигнал доверия или осторожности. – А что насчёт ребёнка? – тихо, но спокойно спросила супруга, словно проверяя уровень смелости Маши. Маша покраснела, но прямо посмотрела в глаза: – Я хочу, для себя мне не нужен мужчина, а тем более Андрей – я отказываюсь от всяких притязаний на что бы то ни было. Просто я говорю честно, потому что иначе – зачем? Супруга улыбнулась шире, почти с одобрением: – Честность – это редкость, и, похоже, она работает на тебя. Ладно, будем наблюдать, как всё пойдёт. Я сделал глоток пива и подумал: «Снизу это выглядит как тихая дипломатия с элементами психологии, а сверху – почти спектакль». Супруга протянула руку с бокалом шампанского, официант аккуратно наполнил его искрящейся жидкостью. Вдруг супруга резко метнула бокал – и его содержимое обдало лицо Маши. Маша отпрянула, вытаращив удивлённые глаза, но ни тени гнева в них не было. Супруга не отводила взгляда, внимательно разглядывая её реакцию, словно читала карту эмоций. Жанна застыла в воде на полушаге от берега – свидетель этой сцены, словно поймавшая секретный кадр. Затем она медленно присела и отплыла так, чтобы её присутствие осталось незаметным. Официанты застыли в немом страхе, не в силах понять, что делать. Супруга снова протянула руку с пустым бокалом, и официант наполнил

его вновь. – Пойдём искупаемся, – предложила она Маше. Маша последовала за ней, капли шампанского падали на грудь и плечи, а она даже не вытерла лицо, позволяя им медленно стекать. Они зашли по плечи в воду и вышли за буйки. Спасатель испуганно оглянулся, но Махмед глазами приказал ему лишь следить за обстановкой, не мешая важным гостям. Супруга передала бокал Маше и поплыла рядом. Вода доходила Маше по грудь, и она возвышалась над буйками, словно каменное изваяние, неподвижная и сосредоточенная. Мне было её жаль, но вмешиваться в процесс адаптации я не мог. Супруга что-то задумала – и её уже невозможно было остановить. Она понимала, что близость с Машей уже произошла и, возможно, она уже зачала. С таким стремлением заполучить ребёнка и с такой решимостью... всё было возможно. Наплававшись, супруга взяла из рук Маши свой бокал и отпила. – Тёплое, – произнесла она с лёгким вызовом и полуулыбкой. – Принеси холодненького. Она протянула бокал, и Маша осторожно подхватила его. словно танкер, раздвигая воду и создавая волны, она направилась к берегу. Официант, мгновенно сообразив, что к чему, бросился к бару, схватил свежую бутылку и уже у самой воды предложил новый бокал. Маша осторожно шла обратно, стараясь не расплескать содержимое. Супруга тем временем лежала на воде, раскинув руки, полностью доверившись себе и окружающему пространству. Маша стояла в сторонке, возвышаясь над ней, как страж, одновременно наблюдая и выполняя поручение. Супруга поднялась на ноги, взяла свежий бокал и отпила, не сводя взгляда с Маши. В этом молчаливом, почти театральном моменте каждый жест был знаком, а каждая капля воды и шампанского – частью невысказанной игры. – Сможешь меня поддержать в воде? – спросила супруга, поднимая ноги и слегка улынувшись. Маша подхватила её, и, непроизвольно раскачавшись, закружила. Они хохотали, сбрасывая стресс и расковываясь после всей той напряжённой ситуации. Смех сливался с плеском воды и лёгким ветром, делая атмосферу почти игривой. Жанна наблюдала издали, явно не решаясь подойти. Но супруга помахала ей рукой, и Жанна с радостью, как щенок, помчалась к ним, готовая разделить веселье. Дочь, не желая оставаться в стороне, тоже бросилась в воду, чтобы принять участие в этом неожиданном семейном водном карнавале. Я стоял сверху, с бокалом пива в руке, наблюдая за этой сценой: смешение взрослых и детей, смех, лёгкая неуклюжесть, радость и беззаботность. Казалось, что на этом пляже время замедлилось, а сложная динамика отношений на мгновение растворилась в простом веселье. Сначала это была просто игра: лёгкое подхватывание, покачивание на воде, смех, брызги. Но с каждым разом движения становились увереннее, более согласованными. Маша держала супругу крепко, словно внезапно открыв для себя новый способ доверия. Супруга, в ответ, отпускала ноги и руки, позволяя себе полностью раствориться в воде, в ощущении контроля и свободы одновременно. Жанна и дочь кружились рядом, смеясь и подбрасывая друг другу брызги. Сверху, с моего наблюдательного поста, сцена выглядела почти как миниатюрный спектакль: взрослые, дети, вода и солнце – и каждый в своей роли, но при этом все связаны невидимыми нитями. Маша рассмеялась, тихо, искренне, и это звучало так естественно, что я почти забывал о былой напряжённости. Смех стал заразительным: даже прохожие на соседних матрацах оборачивались, с удивлением замечая, что этот пляжный хаос – не случайность, а маленькая социальная алхимия. Супруга внезапно опёрлась грудью о Машу, смещая центр тяжести, и Маша непроизвольно подхватила её ещё крепче. Их движение превратилось в своего рода танец на воде, доверительный, лёгкий и почти невинный. Я сделал глоток пива, наблюдая сверху, и не удержался от внутреннего комментария: «Видимо, вода умеет размывать не только границы, но и сложные социальные конструкции». Дочь и Жанна тем временем, наблюдая за взрослыми, начали повторять их движения, смеясь и пытаясь имитировать «танец». Всё выглядело как хорошо срежиссированная игра, где никто никого не контролирует, но каждый вовлечён. С этого момента стало понятно: доверие, лёгкость и смех стали той связующей нитью, которая постепенно превращала Машу из «гостя» в полноправного участника семейной динамики.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.